

од критика деспотического характера российской монархии. Появление же нового имени в истории политических учений в России делает необходимым внести определенные изменения в традиционную картину общественно-политического движения этого времени.

Л. И. ТОЛСТАЯ

ДНЕВНИК И ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ И. И. ТОЛСТОГО (1913—1916 гг.)

Крупный ученый — археолог и нумизмат И. И. Толстой был одновременно и видным общественным деятелем. Достаточно открыть адресную книгу «Весь Петербург» хотя бы за 1913 г., чтобы узнать, председателем каких разнородных по своим задачам обществ он был. Это и Общество библиоковедения, им организованное, и Общество деятелей печатного дела, и Общество по борьбе с проказой.

Помимо печатных работ, научных¹ и публицистических (журнальные и газетные статьи и интервью, содержавшие, как правило, ответы на острые вопросы текущего политического момента), И. И. Толстой оставил после себя и рукописное наследие. Это его воспоминания о министерской деятельности² и дневник, который обрывается меньше чем за месяц до смерти автора.

Дневник И. И. Толстой начал вести по настоянию В. В. Стасова, на которого большое впечатление произвели воспоминания о министерской деятельности. Передавая их в Публичную библиотеку, И. И. Толстой снабдил запечатанный конверт точными указаниями о дальнейшей судьбе рукописи. Относительно того, как подлежит поступать с текстом дневника в случае его возможного опубликования, автор на обороте переплета первой книжки сделал 18 ноября 1911 г. запись с соответствующими рекомендациями. По мнению автора, следует убрать все, что не может представлять интереса для читателя, например данные о погоде, перечисление гостей за обедом, отдельные описания заграничных путешествий и т. п. И. И. Толстой не считает возможным, как он сам пишет, «изводить читателя неважными и скучными отметками день за день».

Как и в воспоминаниях о министерской деятельности И. И. Толстой уделяет внимание многим теперь для нас крайне интересным «мелочам», так и в своем дневнике он не проходит мимо того, что другого автора могло бы и не привлечь. В записях отмечается реакция прессы (с указанием названия газеты) на то или иное событие, порой

¹ См.: К столетию научно-нумизматической деятельности И. И. Толстого: (Библиография трудов и основные даты жизни) // Тр. ГИМ. М., 1986. Вып. 61. С. 172—179.

² Толстая Л. И. Воспоминания И. И. Толстого как исторический источник // ВИД. 1987. XIX. С. 201—216.

и не представляющее на первый взгляд особенной важности. Мы читаем описание деталей разных торжеств, на которых И. И. Толстой присутствовал обычно ex officio, а порой и как действующее лицо (особенно в период 1913—1916 гг.). В дневнике содержатся многочисленные, очень интересные и по форме, и по содержанию характеристики самых разных лиц — от великих князей (например, Владимир Александрович), известных ученых (Д. И. Менделеев), писателей (Л. Н. Толстой) до чиновных лиц, убитых террористами (фон Лавуниц).

В дневнике И. И. Толстого получили свое отражение как взаимоотношения самого автора со служебной администрацией (Министерством внутренних дел и Военным ведомством, особенно в период первой мировой войны), так и взаимоотношения, например, высшей школы (преимущественно университетов) с администрацией в лице министра народного просвещения А. И. Шварца. Большое место в дневниковых записях уделено прессе и ее роли в отражении общественного мнения.

В течение длительного времени (с сентября 1913 по май 1914 г.) дневниковые записи И. И. Толстого как бы дублировались в его письмах за границу к сыну, носящих личный характер. Эти семейные письма, которые писались ежедневно, обычно на открытках, часто утром и вечером, почти целиком заняты описанием думских дел, и никаких размышлений по этим вопросам в письмах и дневнике нет.

Кроме того, сохранились еще одни воспоминания: это незаконченная рукопись (2 а. л.), написанная И. И. Толстым перед самой смертью, весной 1916 г. Рукопись написана черными чернилами на плотной бумаге большого формата на обеих сторонах сложеного вдвое листа. Она содержит воспоминания автора об обстоятельствах избрания его в городские головы Петербурга, описание структуры городского управления, а также позитивную программу усовершенствования некоторых сторон работы городского управления, состоящую из 17 пунктов. Единственное свидетельство об истории написания этих воспоминаний мы находим в некрологе И. И. Толстому, написанному Н. А. Волковышским, личным секретарем покойного в бытность того городским головой. Волковышский не только был хорошо осведомлен в делах своего патрона, их обоих связывали чисто дружеские отношения, и, очевидно, многое, чего могли не знать другие, было хорошо известно Волковышскому. По его словам, автор воспоминаний после выхода в отставку собирался написать книгу о городском управлении Петрограда. «Первая часть, — пишет Волковышский, — должна была заключать в себе его общие мысли о задачах общественного управления, об условиях его здорового и нормального развития, о дефектах нынешнего положения. Вторая была бы его мемуарами городского головы в исторические дни великой войны».¹ Однако приступил И. И. Толстой

¹ Волковышский Н. А. Последние дни жизни г-ра И. И. Толстого // Вечерние биржевые ведомости. 1916. 18 июня.

к этому делу лишь весной 1916 г., уже в Крыму за два месяца до смерти.

Дневниковые записи, относящиеся к периоду, когда автор был городским головой (кн. 14—26), дают возможность представить себе как бы «модель» работы городской управы и самого городского головы. Изю дня в день время расписано по часам: в котором часу начинался рабочий день, сколько времени занимал прием просителей, как проходили заседания Особого по городским делам присутствия, по каким именно дням недели происходили вечерние заседания Городской думы. Мы узнаем с календарной точностью, какие вопросы разбирались на этих заседаниях, когда заседания срывались из-за отсутствия кворума и т. д. Получили отражение в дневнике И. И. Толстого и те трудности, которые постоянно испытывала городская управа: нечуждое недоброжелательство со стороны министра внутренних дел и градоначальника, трата дорогого для работы времени на участие городского головы в официальных парадных торжествах.

Это своего рода «модель» может быть легко выстроена на отрезке времени в один год — с лета 1913 по лето 1914 г. Начиная со дня объявления войны говорить о «модели» работы городского управления как таковой уже нельзя, поскольку очень трудно разграничить, что именно городское управление под руководством И. И. Толстого осуществляло в силу определенного статуса, а что диктовалось условиями военного времени, каждый день ставившего перед городом новые неотложные задачи, которые не вписывались в привычный регламент.

Имеющийся в нашем распоряжении материал (неоконченные воспоминания и дневник И. И. Толстого) позволяет говорить о деятельности Городской думы Петербурга—Петрограда в период с лета 1913 по январь 1916 г. (25 года).

В новой Петербургской городской думе среди гласных, избранных в 1913 г. на шестилетний срок, большинство получили «обновленцы». Городским головой был назначен их лидер И. Д. Шубин-Поэдеев, и на первом же заседании «обновленной» Думы 6 марта 1913 г. он большинством голосов был избран на эту должность. Однако его избрание не было утверждено, что явилось полной неожиданностью, ибо «тогдашний градоначальник генерал-майор Драчевский был лично знаком с Шубиным, был в хороших с ним отношениях и дал, как стало известно, благоприятный отзыв о нежелательности утверждения Шубина; тогдашний министр внутренних дел Маклаков тоже по слухам не имел ничего против личности избранника Думы. . . по существовавшей практике, основанной на законе, неутверждение кандидата, избранного после неутверждения или забаллотирования первого, т. е. вторичный провал избранных думою лиц, влекло за собой назначение городского головы по выбору и представлению министра внутренних дел. «Обновленцам» казалось очень нежелательным ознаменовать свою победу над «стародумцами» небывалым еще в истории Петербургского городского управления. . . Поэтому им нужно было наметить лицо из своей среды.

которого не утвердить было бы неудобно». ⁴ Выбор «обновленцев» остановился на кандидатуре И. И. Толстого.

Осенью 1905 г., когда И. И. Толстой был согласен занять пост министра народного просвещения, ситуация была очень сходной. Тогда тоже нужен был человек, утверждение которого не могло вызвать осложнений.

Чин гофмейстера обязывал И. И. Толстого принимать участие в придворных церемониях, царь знал его не только как гофмейстера, но и как бывшего министра. А в широких кругах И. И. Толстой был известен как видный общественный деятель и участник многих передовых начинаний. Еще до избрания его в городские головы среди многочисленных интервью, которые И. И. Толстой давал хроникерам газет (например, «День», «Против течения» и др.), были интервью и по вопросам городского хозяйства. Для «обновленцев» все это делало его кандидатуру особенно желательной.

22 мая в заседании Думы состоялось избрание И. И. Толстого в городские головы. «Баллотировка дала результат — 89 голосов за против 26 неизбирательных», ⁵ и 23 июня последовало утверждение его в этой должности. «Кстати упомянуть, — пишет И. И. Толстой, — что вопрос об утверждении моего избрания (вернее, о «назначении согласно избрания») был внесен министром внутренних дел Маклаковым в Совет министров предварительного доклада государю, причем он указывал на неудобство назначения гор. головы столицы лица, известного покровительствующего евреям. В Совете министров голоса разделились почти пополам, но так как в пользу моего назначения высказался председатель Совета Кокшцев, то к нему присоединился Маклаков, воздержавшийся сперва от голосования, и, таким образом, мое избрание было доложено им государю как получившее одобрение Совета министров». ⁶

Первые же встречи нового городского головы с градоначальником генерал-майором Д. В. Драчевским и министром внутренних дел Н. А. Маклаковым дали «возможность предвидеть, каковы отношения между администрацией и „самоуправлением“». ⁷ Министерству внутренних дел в лице Маклакова и градоначальство в лице Драчевского хотело от Думы только заботы о чисто хозяйственных нуждах города, да и тут на каждом шагу ставились палки в колеса, столь велик был страх этого ведомства перед любой попыткой вывести работу Думы за пределы узкохозяйственных забот.

Право градоначальника на опротестование или неутверждение любого постановления Думы без обязанности указывать основания этого протеста практически лишало Думу самостоятельности. Даже право обжалования решения градоначальника в Особое по город-

⁴ Воспоминания, С. I об. — II. — Рукопись первоначальной хранится в семейном архиве Л. И. Толстой. Страницы пронумерованы автором римскими цифрами только на лицевой стороне, обратная сторона нумерации не имеет.

⁵ Дневник Кн. XVII. С. 101. — Рукопись дневника (26 книжек небольшого формата, в кожаном переплете) хранится в семейном архиве Л. И. Толстой.

⁶ Там же. С. II. об.

⁷ Там же. С. III.

ским делам присутствие не помогало делу, так как «постановления этого присутствия восходили на решение Министерства внутренних дел, которое, естественно, всегда было на стороне градоначальника, который как чиновник, от министерства зависящий, всегда действовал в его духе или по его указке. Министерство, склонное считать большинство разногласий Думы с градоначальником проявлениями „оппозиционного настроя“ первой по отношению к администрации, почти всегда готово было обвинять ее в „политиканстве“, т. е. в том, чего она должна была избегать как огня, так как „политика“ не ее дело».⁸

И. И. Толстой указывает и на роль прессы, во многом определявшей отношение к Думе обывателя. Это прежде всего «мелкая пресса», которая, пользуясь непроверенными слухами и сплетнями, охотно травит Думу и угоду обывателям. В «Петербургском листке», например, «городскими делами занимался некто Пяталеев, единственный за все время существования мировой юстиции петербургский миропой судья, изобличенный в приятии взяток и растратах. Человек, нравственно опустившийся, но образованный и неглухой, Пяталеев, конечно, небескорыстно поддерживал „стародумцев“ и враждовал с их противниками „обновленцами“». ⁹ «„Новое время“ и его подголосок грубодемагогическое „Вечернее время“ относились отрицательно к „обновленцам“, боясь их „прогрессивности“, недопустимой на святой Руси левизны и неуважения к начальству. Напротив, либеральный „День“ находит их слишком „буржуазно правыми“, недостаточно решительно настроенными против режима».¹⁰

И. И. Толстой останавливает свое внимание на ошибках «обновленцев», не позволивших им прочно развить успех, достигнутый на выборах 1913 г. «Несомненно, первой ошибкой „обновленцев“, когда они стали большинством, была недостаточная забота о привлечении на свою сторону печати... Вторую и несомненно наиболее крупную „обновленческую“ ошибку было то, что тотчас после выборов их организация рухнула: их энергичный и опытный „лидер“ Шубин был поистине устранил от руководства партией, хотя не было положительно налицо никого, кто бы мог его заменить... Сама „группа обновления“ была составлена из весьма разнородных элементов... Нестрога (политическая) состава группы, за которую ее упрекали все левые элементы как внутри, так и вне Думы, была результатом сознательной тактики Шубина и ближайших его сотрудников, так как только благодаря именно этому эклектизму удалось одержать победу на выборах. Очевидно, однако, что этот же эклектизм должен был роковым образом явиться причиной несогласованности, а потому и слабости партии, или, как ее официально именовали, группы, как только она приступила к практическому осуществлению своей программы».¹¹ Все это сыграло немалую роль в положении «обновленцев» в 1916 г.

⁸ Там же. С. IV.

⁹ Там же. С. VII—VII об.

¹⁰ Там же. С. VIII об—IX.

¹¹ Там же. С. IX—IX об.

«Таким образом, — пишет И. И. Толстой, — вступление во власть в качестве большинства группы обновления произошло при самых неблагоприятных обстоятельствах: администрация относилась к самому факту „торжества обновления“ резко отрицательно, общественное мнение в лице газет отнеслось к нему. . . явно скептически и выжидательно, сама же группа в самом начале своей практической деятельности лишилась объединяющей организации, обнаружив раскол в своей среде, к радости противников — „стародумцев“». ¹²

«Стародумцы» избрали очень удобный способ мешать принятию нежелательных для них решений. Когда обсуждение вопроса затягивалось (обычно вполне намеренно теми же «стародумцами»), заседание срывалось предложением проверить кворум. Был «даже специалист по этой части — гласный Елизаров». ¹³ Отсутствие необходимого кворума обеспечивалось «стародумцами» по ходу заседания. Это очень тормозило работу, так как заседание приходилось переносить и решение насущных вопросов откладывалось часто на неопределенное время.

Воспоминания И. И. Толстого позволяют хорошо представить себе структуру Думы и работу в ней гласных на основе существовавшей избирательной системы. «. . . Человек, решившийся идти в гласные и работать на пользу города и своих сограждан, должен помнить, что два вечера в неделю, с 8-ми до 12-ти, заняты всецело собранием Думы и одним его „продолжением“; кроме того, каждый гласный состоит членом или председателем каких-либо вспомогательных комиссий; каждая комиссия имеет обыкновенно два заседания в неделю (некоторые и три), причем нет гласного, не состоящего членом хотя бы двух комиссий, часто же и трех. Таким образом, у гласного Городской думы бывают заняты абсолютно все вечера недели, кроме праздников (двадцатых и воскресений), причем по постановлению группы „обновленцев“ они обязались отказаться от всякого вознаграждения. . . Сплотить и рядом заседания комиссий совпадают со временем думских собраний, и тогда гласному приходится выбирать из двух заседаний, влияя в том и другом случае на кворум. . .»

Нужно сказать, что работа в комиссии обыкновенно гораздо важнее для дела, чем присутствие в общем собрании Думы, где роль гласного обыкновенно сводится к голосованию и иногда лишь к защите решений комиссии». ¹⁴

«Голова, его товарищи и члены управы числятся чиновниками Министерства внутренних дел, и им присваиваются „зауряд“ чины IV, V и VI классов, причем по службе они ответственны как перед Думой, так и перед министерством. Ответственность должностных лиц сама по себе вещь хорошая и даже абсолютно необходимая, но ответственность перед двумя учреждениями, нередко смотрящими на

¹² Там же, С. XII об. — XIII.

¹³ Там же, С. XIV.

¹⁴ Там же, С. XV — XV об.

вещи с диаметрально противоположных точек зрения, — положение, едва ли способствующее правильному и спокойному течению дела». ¹⁵

«... Контроль Думы над управой, — читаем мы далее, — осуществляется как самой Думой, так и избранным ею органом, Ревизионной комиссией, с целым штатом вольнонаемных служащих. В заседаниях Думы каждый гласный имеет право сделать запрос городского голове по поводу действий или упущений управы. . . Редкое заседание Думы проходит без таких запросов. . . Постоянная Ревизионная комиссия не только рассматривает правильность расходования городских денег, но и входит в рассмотрение действий управы и ее органов по существу, разбирая не только их законность, но и целесообразность. . . эта гипертрофия наблюдения и контроля несколько не мешает процветанию злоупотреблений там, где меньше всего они ожидаются, а иногда и там, где они существуют давно незамеченными». ¹⁶

В управе «сосредоточивается чисто деловая часть деятельности городского управления, сторожа денежная и исполнительная. . . и общее присутствие управы. . . ходят также все председатели исполнительных думских комиссий и с совещательным голосом любой гласный, интересующийся очередным вопросом». ¹⁷

В рассматриваемый период работа в управе «затруднялась еще тем, что на 6 членов ее, избранных „обновленческим“ большинством, оказалось 7 членков „стародумцев“, из коих двое — по назначению правительства». ¹⁸

Городской голова «считается прямым начальником членов управы, которых он, однако, уволить не может, как бы они ни противодействовали ему, так как они такие же выборные, как и он сам. . . По существующему закону гласные избираются на шесть лет, причем каждые три года происходят выборы половины состава Думы». ¹⁹

И. И. Толстой подчеркивает, что «действующее для Петрограда Городское положение как будто намеренно не объединяет Думу с ее управой и противопоставляет одну другой. «Петроград, кажется, единственный не только в России, но и во всем мире город, где городской голова не председательствует в Думе, а только в управе. Дума избирает особого председателя и нескольких его заместителей, которые и руководит всеми прениями и вообще ее заседаниями. Получается подобие какого-то. . . муниципального парламента, в котором роль палаты депутатов играет собрание Думы, а министерства, правда не сменяемого до срока избрания, — управа с „премьером“ — городским головой во главе». ²⁰

¹⁵ Там же. С. XVII—XVII об.

¹⁶ Там же. С. XVIII—XVIII об.

¹⁷ Там же. С. XVIII об.

¹⁸ Там же. С. XIX об.

¹⁹ Там же. XX, XXI.

²⁰ Там же. С. XXII—XXIII.

В своих воспоминаниях И. И. Толстой дал также описание и разбор структуры городского управления и функций его отдельных звеньев. Он считал необходимым «значительно расширить круг лиц, пользующихся активным и пассивным избирательным правом, что несомненно улучшило бы личный состав Городской думы и сделало бы ее более работоспособной». ²¹ И. И. Толстой считал целесообразным введение в практику работы Думы сессионной системы, подобной той, какая существовала в земстве.

В заключение автор воспоминаний предлагает разработанную программу улучшения работы Городской думы (из 17 пунктов), в основном направленную на упорядочение хода заседаний.

Дневниковые записи И. И. Толстого дают представление о рабочем дне городского головы столицы, который начинался для него в Думе в 10 утра приемом посетителей. Затем шло обсуждение ряда вопросов в рабочем порядке и решение неотложных дел. После небольшого перерыва (обычно часового) в 2 ч начиналось заседание Особого по городским делам присутствия, либо городской голова участвовал в заседании одной из комиссий; такие заседания часто продолжались до 5 ч. А вечером два раза в неделю проходили заседания Думы, которые нередко затягивались до полуночи, порой не разрешив повестки дня. Другие вечера были заняты участием в заседаниях разных комитетов (Сюжза городов или по реформе Городового положения) либо обществ. К этому следует прибавить непременно участие городского головы в торжественных церемониях при дворе. Готовить же думские дела к заседаниям приходилось поздними вечерами дома.

В одной из газетных статей (беседа И. И. Толстого с репортером) мы читаем: «Редкое министерство у нас обходится без двух-трех товарищей министра. В городе же при 53-миллионном бюджете городской голова до сих пор имел одного лишь помощника и по воле министерства несъема разношерстную управу, члены которой плохо оплачиваются и имеют недостаточные права при огромном количестве обязанностей. Городской голова, между прочим, не имеет даже собственной канцелярии, ни одного человека в своем личном распоряжении, которому можно было бы поручить навести справку или разработку интересующего вопроса. Когда мне что-нибудь нужно, я вынужден сам рыться в делах, тратить массу времени для того, чтобы иногда узнать фамилию какого-нибудь человека». ²²

Встречи городского головы с царем происходили только на торжественных церемониях, присутствовать на которых И. И. Толстого обязывало не только положение главы городского управления, но и его придворный чин гофмейстера. В военные годы такие встречи бывали еще при посещении Николаем II лазаретов или распределительного пункта для раненых на Варшавском вокзале. Все сложное дело городского управления, далеко выходящее за рамки «починки

²¹ Там же. С. XXVI.

²² Петербургский курьер. 1914. 10 мая.

местовых» и «ремонта полицейских участков», было полностью передано в столице на откуп министру внутренних дел.

В мае 1914 г. состоялась поездка муниципальной делегации столицы (с участием исполняющего обязанности московского городского головы Брянского) в Париж, где петербургские делегаты встретились с представителями муниципалитетов других европейских стран. В эти дни Дума, пожалуй, впервые оказалась на высоте международного представительства.

«Съезд был не деловым, — читаем мы в дневнике И. И. Толстого, — а только декоративным, „фестивальным“, но значение его мне кажется все же довольно большим. Все убедились в том, что *mutatis mutandis* интересы, стремления, невзгоды и недостатки огромных конгломератов людей, представляемых столичными и вообще большими городами, одинаковы, в какой бы стране эти города ни существовали. Сознали также огромную важность общения и согласной защиты своих интересов, убедились, что все города прежде всего нуждаются в мире и в хорошей внутренней и внешней политике. Наметили возможность будущих „деловых“ съездов с меньшим количеством ответственных членов (например, городских голов), которые могут иметь огромное практическое и нравственное значение, влияя не только на муниципальное хозяйство, но и на политику цивилизованных стран. В Париже были даже указаны очередные городские вопросы, требующие совместного обсуждения и разрешения».²¹

Самых участников, оказавшихся вместе вне думских стен, эта поездка тоже значительно сблизила. «Уроки Парижа» не прошли даром, и думается, что они внесли свой вклад в идею организации Союза городов.

К осени 1913 г. относится и начало работы Комиссии по реформе городской управы и Думы (под председательством А. И. Шингарева), которой война помешала успешно завершиться. И. И. Толстой не пропустил почти ни одного заседания этой комиссии.

Пожалуй, в наиболее ярком и ничем не завуалированном виде проявились ненормальные отношения Министерства внутренних дел и Городской думы при подготовке к празднованию 50-летия земства, а отчасти и во время самого проведения этого юбилея. Вопрос о чествовании земцев обсуждался 17 декабря 1913 г. на заседании губернского земского собрания с участием городского головы, председателя Городской думы и ряда гласных — членов управы. Затем этим вопросом занималась специально образованная комиссия. Было принято решение тщательно отредактировать речи и во избежание накала страстей не допускать прений. Таким образом, все предосторожности были соблюдены. Однако 20 декабря И. И. Толстой был специально приглашен к Маклакову. «Оказалось, — читаем мы в дневнике, — что план чествования земцев со стороны города до крайности взволновал администрацию: Маклаков мне прямо сказал, что воля г-ря такова, чтобы ни малейших манифестаций по поводу 50-ле-

²¹ Дневник. Кн. XX. С. 179.

тии земства не было допущено. . . Он, Маклаков, и без того возмущен заседаниями Городской думы, в которых обсуждалась реформа городского положения».¹⁴ На предложение Маклакова просто устроить раут Н. И. Толстой сказал, «что если он так боится, то может просто запретить собрание, что вполне в его власти. Маклаков ответил, что он запрещать не будет, но будет меня и других считать ответственными».¹⁵ 5 января последовало отношение градоначальника, приостанавливавшее решение Думы о проведении торжественного собрания, с предложением провести его на основании правил 4 марта. После совещания было решено отправить на имя министра внутренних дел письмо городского головы (с приложением отношения градоначальника), в котором Толстой просил министра сикей просьбу разрешить собрание, назначив его не на 10, а на 11 января. 6 января из редакций газет весь день звонили по телефону городскому голове, желая узнать решение министра внутренних дел. Ответ Маклакова последовал 7 января. Министр предлагал воспользоваться предложением градоначальника провести собрание на основании правил 4 марта, усматривая в этом удобный выход из создавшегося положения. Н. И. Толстой отказался воспользоваться этим «удобным выходом». Ответ его смутил Н. Н. Анциферова, вошедшего в телефонные переговоры с городским головой. В дневнике Н. И. Толстого читаем: «Они (Анциферов и Евтифеев. — *Н. Т.*), по-видимому, были несколько смущены моим ответом, и первый спрашивал, не думаю ли я, что из этого выйдет скандал. Я ему ответил, что скандал выйдет, но не для Думы, а для министерства, но небольшой и легко переносимый, и что у меня совесть чиста. . .».¹⁶ 10 января в Министерстве внутренних дел был устроен раут в честь земцев, на который из городского управления были приглашены только городской голова и его первый помощник Д. И. Демкин. Затем вечером того же дня состоялся раут в честь земцев в Дворянском собрании. Собралось до 2000 человек. Раут посетил царь, сказавший несколько приветственных слов. 11 января состоялся банкет по подписке в честь земцев, организованный Городской думой. «Собралось народу много — до 700 человек, в том числе человек 200 земцев; остальные — интеллигенция петербургская и всякие общественные организации».¹⁷ Председательствовал городской голова. Центральные места были отведены старейшим земцам — И. И. Петрункевичу и К. К. Арсеньеву.

Вся эта неприличная волна вокруг юбилея не могла остаться в стенах министерских и думских кабинетов и получила достаточно широкую огласку. 14 января Н. И. Толстой сделал в дневнике следующую запись: «В Думе мне передали оставленную для меня вчера карточку Михаила Хрисанфовича Готовникова, члена Гос. думы от Камышинского уезда, предводителя дворянства и председателя земской управы со следующей трогательной, хотя и своеобразной над-

¹⁴ Там же. Кн. XIX. С. 90—91.

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ Там же. Кн. XX. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 20.

писью: „Звезжал совместно с гласным Саратовского губернского земства Синельниковым выразить Вашему С-ству нашу глубокую признательность за то внимание, которое имело в виду оказать нам, земцам, Петербургское городское самоуправление, и искреннее сожаление и сочувствие Вам по поводу действий петербургской администрации и противодействий ее в отношении осуществления намерений города. Позвольте, граф, заочно позжать Вашу руку как обладателю общественных организаций, которым, к сожалению, в наш грустный век оказывается столь мало доверия“». ²⁸

С объявлением войны перед городским управлением сразу встали задачи, требовавшие неотложного решения. В связи с проведением мобилизации город должен был в спешном порядке «подготовить 50 сборных пунктов и озаботиться прокормлением более 100 000 запасных». ²⁹ В здании Думы был размещен сборный пункт для освидетельствования призывных.

В целях выработки программы мероприятий, диктуемых военным временем, 8 августа 1914 г. в Москве состоялся съезд городских голов (от 35 губернских городов Европейской России). Торжественная церемония открытия съезда состоялась в Кремлевском дворце, где с речью к присутствующим обратился царь. Деловые заседания проходили в Думе под председательством Брянского. На этом съезде и был сформирован Союз городов, периче заседание которого открылось уже 10 августа. «... Для нас всех стало ясно, — пишет И. И. Толстой, — что ни Красный Крест, ни Военное ведомство не могут почитаться вполне подготовленными для обслуживания ожидаемого колоссального количества раненых и больных и ожидают помощи и содействия городов. Это обстоятельство, конечно, и объясняет ту легкость, с которой правительство согласилось на учреждение Союза городов, несомненно надеясь, что он основывается ad hoc и что с прекращением войны можно будет поговорить еще о том, существовать ли ему дальше или нет. Приезжавшие в Москву городские головы со своей стороны с большим единодушием высказывались за желательность и даже необходимость существования такого Союза как постоянного института. Что же касается данного момента, то обнаружилось: 1) полная солидарность во взглядах на необходимость дружного сотрудничества в деле помощи раненым и больным, а также семьям привезенных на войну и 2) отсутствие необходимых денежных средств у всех городов. . .». ³⁰

Петроградская городская дума организовала на Варшавском вокзале распределительный пункт, на который раненые поступали прямо из прибывающих поездов. Здесь они получали еду и медицинскую помощь. Отсюда их распределяли по госпиталиям. Эти поезда, приходившие почти ежедневно, как правило, встречал городской голова. Каждый поезд доставлял в город от 500 до 800 раненых. Иногда на встречи раненых приезжали и члены царской фамилии.

²⁸ Там же. С. 25.

²⁹ Там же. Кн. XXI. С. 54.

³⁰ Там же. С. 110—111.

Городское управление отвечало за открытие госпиталей, за правильную организацию в них работы. С каждым днем росла потребность в увеличении числа коек.

Проводилась также работа, направленная на обеспечение нужд семей эвакуированных, для чего были созданы специальные попечительства, где люди работали не жалея сил и в основном бесплатно. Попечительства находились под контролем Думы и функционировали до конца войны.

Постоянные сложности городское управление испытывало в своей повседневной деятельности от сношений с Министерством внутренних дел и с Военным ведомством. Надо, впрочем, заметить, что в первый год войны деловые вопросы решались с Военным ведомством значительно проще: город и военное начальство служили общему делу и понимали это. Осложнения возникли позже. Позиции же Маклакова ничто не могло сломить: всем, чем мог, он мешал Думе.

Очень скоро в деле заботы о нуждах раненых возникли для города непредвиденные затруднения. Верховным начальником санитарной и эвакуационной части был член царской фамилии принц А. П. Ольденбургский. Человек, по мнению И. И. Толстого, неумный и до крайности неуравновешенный, он позволял себе совершенно не считаться с занятостью городского головы и его товарищей, вызывая И. И. Толстого по пустякам к себе во дворец «для объяснений по службе». «Да, нелегко иметь дело с полусумасшедшими августейшими особами», — пишет И. И. Толстой и замечает: «... к сожалению он (принц Ольденбургский. — *И. Т.*) имел несомненное право приказывать нам».¹¹

В связи с возросшими злоупотреблениями в Военном ведомстве в Комитете по сбору и распределению пожертвований (под председательством городского головы) в целях надежности было решено отправить транспорты белья на передовые позиции в сопровождении кого-либо из гласных.

5 января 1914 г. под председательством городского головы открылся Первый съезд Союза городов северного и северо-западного районов. Обсуждался вопрос об угрозе эпидемий. Число коек (не считая военных лазаретов и лазаретов Красного Креста) в декабре 1914 г. было доведено городским управлением до 5000, а в январе 1915 г. предполагалось увеличить эту цифру до 26 000.

В разгар этой напряженной работы «стародумцы» не забыли о том, что осенью должны состояться частичные выборы в Думу. В «Петербургском листке» срочно был напечатан анонимный пасквиль с целью дискредитации «обновленцев», написанный все тем же пресловутым Паталеевым. Новый градоначальник кн. А. Д. Оболенский в письме потребовал от городского головы объяснений по поводу статьи. Любопытно и подробно изложен этот факт в дневниковой записи И. И. Толстого от 7 февраля 1915 г.

¹¹ Там же. Кн. XXII. С. 107.

К середине февраля положение со снабжением населения стало настолько напряженным, что Н. И. Толстому пришлось даже отказаться от участия в съезде Союза городов в Москве. «Я решил не ехать, — пишет он, — передав Глебову (второму товарищу городского головы. — Л. Т.) представительство петроградского городского головы. Я так занят неотложной работой (на первом плане — организацией снабжения Петрограда продуктами питания), что трехдневник, а может быть даже четырехдневное отсутствие несомненно отразилось бы на ходе муниципальных дел».³²

17 марта И. И. Толстой делает следующую запись в дневнике: «Сегодня в „Вечернем времени“ появилась первая за время войны статья с ругательствами по моему адресу с явной целью дискредитировать меня в общественном мнении. Обидно, но естественно: почти постоянно хвалили целых 8 месяцев, пришла пора ругать».³³ На следующий день появились аналогичные публикации. Автором этих, разумеется анонимных, статей был А. И. Кскинин, действовавший, как полагали, под покровительством А. И. Гучкова.

6 июня 1915 г. Маклакова на посту министра внутренних дел сменил кн. Н. Б. Щербатов. Через неделю последовала отставка военного министра В. А. Сухомлинова. 6 июля получил отставку И. Г. Щегловитов, и министром юстиции был назначен А. А. Хвостов.

После представления новому министру кн. Щербатову И. И. Толстой записал в дневнике: «Принял меня очень любезно и произвел на меня очень приятное впечатление откровенного и симпатичного „барина“; едва ли, однако, это государственный человек, иначе он за нашу более чем получасовую беседу проронил хотя бы какое-нибудь слово, которое обрисовало бы его деловые воззрения».³⁴

В июле 1915 г. перед Думой встала новая задача — забота о беженцах, которых становилось все больше. И. И. Толстому через главногополномоченного по устройству беженцев С. И. Зубчанинова было предложено принять на себя обязанности уполномоченного по Петрограду. Вопрос о помощи беженцам обсуждался на заседании Государственной думы 22 июля 1915 г.

Неустойчивое положение во всех сферах жизни страны, всеобщее недоумение, клеветнические анонимные статьи в реакционной прессе — все это неизбежно отразилось и на положении дел внутри самой Думы. «Стародумцы» усилили атаку на «обновленцев».

В середине ноября 1915 г. И. И. Толстой тяжело заболел. По требованию врачей он месяц провел в подмосковном санатории «Крюково», но вернулся не настолько оправившимся, чтобы снова приступить к работе в Думе. 2 февраля 1916 г. по прошению он был освобожден от должности городского головы.

В Думе отставка И. И. Толстого была воспринята по-разному. Некоторые гласные из «обновленцев» начали явно тяготеть к «старо-

³² Там же. Кн. XXIII. С. 70.

³³ Там же. С. 124.

³⁴ Там же. Кн. XXIV. С. 121.

думцам» (например, А. Э. Бари), другие подыскивали себе службу в акционерных обществах и иных хорошо оплачиваемых местах. До истечения срока исполняющим обязанности городского головы Петрограда стал первый товарищ головы Д. И. Демкин. Ю. Н. Глебов ушел в члены правления ряда акционерных обществ.

Полное бессилие правительственного аппарата и невозможность хоть как-то справиться с безудержным нарастанием кризиса во всех областях жизни государства, смена министров одного за другим, как это ни парадоксально, помогли усилению реакционной части Думы: «стародумцы» в сложившейся политической ситуации с легкостью взяли реванш.

16 февраля 1916 г. на выборах по II разряду наметилась победа «стародумцев». А в июне городским головой был уже купец I-й гильдии, член правления страхового общества «Русский Ллойд» П. И. Лелянов, вполне надежный и послушный исполнитель всех требований Министерства внутренних дел, уже зарекомендовавший себя таковым на этом же посту в прошлом. Председателя Городской думы С. В. Иванова избяллотировали на выборах, и его место занял ответственный майор С. Н. Худеков.

Дневник И. И. Толстого за рассматриваемый период интересен не только как источник, отражающий со значительной полнотой многие события того времени и черты жизни широких кругов тогдашнего общества. Это дневник не только ученого и общественного деятеля, но и городского головы. Он показывает работу главы городского управления, дает возможность увидеть, как складывались его рабочие будни в сложной обстановке военного времени и поведение в определенных условиях сложившихся административно-служебных отношений городского управления с Министерством внутренних дел. Дневниковые записи И. И. Толстого отражают и определенные исторические события того времени.

Оба источника — воспоминания городского головы и его дневник — взаимно дополняют друг друга отдельными деталями в описании ряда реалий и дают представление о повседневной работе городского управления Петербурга—Петрограда в 1913—1916 гг.

В. И. ДОГАЕВА

**ВОПРОСНЫЙ ЛИСТ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК ПО АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКОМУ ДВИЖЕНИЮ
В 1917 г.**

В числе наиболее актуальных проблем отечественной истории важное место занимает сложная и многогранная проблема аграрно-крестьянского движения в России в 1917 г. К настоящему времени советская историческая наука располагает по этой проблеме ограни-